

Звонок мобильного достал его в автобусе. Димка ехал с работы в институт.

Нет, то, что он туда ехал, на самом деле ещё ни о чём не говорило. Идти или не идти на лекции, он ещё не решил, но на всякий случай ехал. И тут звонок. От Виктора. Вопрос о посещении альма-матер решил сам собой, причём не в её пользу.

Виктор, или попросту Витёк, мог звонить только затем, чтобы пригласить к себе попить пивка или договориться, где встретиться, чтобы там попить пивка.

– Здорово, Вить.

– Здорово. Чего делаешь?

– В автобусе еду.

– В какую сторону?

– В твою.

– Ага. Ну, давай, жду.

До универса оставалось четыре остановки, до Витька – две. Пока ехал, прислушался к себе – совесть молчала. Мало того, впервые, наверное, за последние полмесяца настроение было, скажем так, неплохое.

От остановки до Витькиного дома рукой подать. По пути заскочил в магазинчик, взял пару бутылок пива и пачку сигарет.

Едва притронулся к звонку – Витёк распахнул дверь, как всегда весь растрёпанный, глаза вразбежку, улыбка набок:

– Заходи.

Из кухни сразу же выглянула любопытная физиономия Витькиного деда:

– Это кто это?

Дед, подслеповато шурясь, усталился на Димку. Внук отмахнулся от него, не утруждая себя объяснениями, и потянул друга в свою комнату.

Там у самого порога стояли какие-то сумки. Димка, едва не споткнувшись, перешагнул их и, выставив пиво на журнальный столик, плюхнулся на диван.

– Ну, чё у тебя новенького?

– Тут твоя сейчас приходила.

– В смысле? Анька, что ли?

– Ага. Вон сумки принесла с твоими вещами.

Сердце глухо ухнуло, на секунду остановилось и замолотило как бешеное.

– С какими... А-а, ну да, мы же договаривались... – враз осипшим голосом пробормотал Димка.

Он потянулся к одной из сумок, подтащил за ручку к себе. Машинально, не отдавая отчёта в том, что делает, начал зачем-то перебирать вещи. А в голове крутилось: «Ну вот, значит, и всё. Теперь уже точно всё».

«Хроники Амбера», несколько дисков, зубная щётка, спортивные штаны... А это что? Димка вытянул тонкую тетрадку с замятой обложкой. И нелепая круговерть неосознанных мыслей и движений замерла. Неужели?

Откинувшись на спинку дивана, расправил обложку. Да. Это была та самая тетрадь, где он, уходя, размашисто написал: «Передавай привет подружке Анжелике».

Витёк, всё это время слонявшийся по комнате, перестал наконец маячить.

– Ладно ты, не зависай, – он открыл банку с пивом, сунул её Димке и сам со второй уселся рядом. – Чего это? Что за Анжелика такая? Почему не знаю?

– Маркиза ангелов, блин.

– Не понял. Но что-то знакомое, – Виктор, потягивая пиво, задумчиво прищурился. – Слушай, кино же такое было!

– Ага, было. А ещё книжка такая есть про Анжелику, и даже не одна, а целая серия.

Витёк потянулся и достал из угла за диваном гитару. Тихо потренькивая, начал подстраивать:

– Ну и?

Димка вздохнул, сунул тетрадку обратно в сумку:

– Помнишь, у меня засада с деньгами была?

– Ага, но ты же вроде выкрутился? – Витёк взял несколько аккордов, прислушался.

– Да я-то выкрутился. А тут как-то захожу к своим, а там паника. Сеструхе надо за учёбу платить, а не хватает. Они ко мне – мол, Дим, не выручишь? И не хватает-то всего столбика, а у меня у самого голяк полный. Тогда мать втихаря от отца суёт мне пакетик, а в нём колечки её, серёжки: «Дим, ты сдай там где-нибудь, а то я даже не знаю, куда с ними сунуться». Я: «Мам, ты чего?» А она отмахивается: «Сынок, да зачем мне эти побрякушки? Я и так хороша, а у девчонки судьба решается». Блин, я пока от них добирался, голову сломал, где деньги взять. Домой приехал, Анька собирается на семинар. Я говорю: «Слушай,

Ань, а у нас нигде никакой заначки не осталось?» Она на меня глаза вытаращила: «Какой заначки, ты о чём?» – «Ну мы же с тобой, помнишь, откладывали как-то на чёрный день», – и обрисовываю ситуацию. Та плечами жмёт: «Ничего мы не откладывали, собирались только». Ну, я прошу её, чтобы там у подруг пробила, может, кто займёт. Она говорит: «Занять-то, конечно, займут, но отдавать придётся с процентами». – «Да и чёрт с ним», – говорю. В общем, она ушла, а я сижу и думаю. Ну как так не откладывали? Я же точно помню. А вот чтобы тратили эти заначки, не помню. Короче, не знаю, что меня толкнуло, подошёл и стал книги по одной брать и трясти. Вот из «Анжелики» баксы и посыпались...

– Так, может, она сама забыла? – нерешительно предположил Виктор.

– Кто, Аня? Забыла про деньги?

– Ну да... – криво усмехнулся Виктор. – Это не про неё. Так ты поэтому и ушёл?

– Да дело даже не в этом. Понимаешь... – Димка задумался, подбирая слова. – Вот у вас с Наташкой... Вы, даже когда ругаетесь в хлам, всё равно вы вместе. Это видно. Это чувствуется. А у нас... вроде и всё нормально, а каждый сам по себе.

– Ну, знаешь, у нас с Наташкой тоже не всё так просто. Но хотя... – Виктор вздохнул и, подыгрывая себе на гитаре, запел слегка надтреснутым тенорком:

На двоих – один паспорт для разводов,
Плеер марки «Романтик» и кассета битлов,

На двоих – один свитер для холодных
ночей,
Пара банок консервов, полкило
сухарей...

Вопросительно глянул на
Димана, тот угрюмо кивнул.

Засиделись допоздна. Витёк
предложил остаться – сейчас, мол,
Натаха уже придёт, картошечки
нажарим. Но Димка отказался:

– Не, Вить, пойду я. И мать вол-
новаться будет, да и вообще.

– Ты у родителей теперь?

– А куда мне ещё? С баблом
наладится, может, снимать буду, а
пока... Ладно, давай.

– Ну ты заходи, не пропадай.

Автобус был полупустым. Ну
как полупустым? Все сидячие
места были заняты, кроме тех, что
развёрнуты сиденьями к салону.
Ну, поня-я-ятно, кто же сюда сядет,
если есть ещё куда приземлиться?
Торчишь, как на сцене. Но ехать
далеко, не трястись же стоя.

На улице стал накрапывать
дождь. По оконному стеклу, остав-
ляя за собой мокрый след, пополз-
ли редкие капли, преломляя и
искажая сверкающую разноцвет-
ными огнями картинку ночного
города.

У водителя негромко работало
радио. Диджей ловко жонглирова-
ли словами и сами же весело хохо-

тали над своими каламбурами. А
потом зазвучала мелодия, можно
сказать, знакомая с детства. Води-
тель сделал погромче, и голос
Примадонны – прямо в душу, с
таким отчаянием и болью:

Ты так захочешь теплоты,
Не полюбившейся когда-то...

У Димки зашипало глаза. Чёрт,
этого ещё не хватало. Он заёрзал
на сиденье, сморгнул и, поправ-
ляя волосы, глянул из-под руки на
людей. В полумраке салона увидел
отрешённые лица. Никто не обра-
щал на него внимания. Каждый в
этот момент думал о своём, и кое у
кого глаза тоже поблёскивали.

И Димке вдруг неожиданно
представилось, как за каждым
сидящим в этом автобусе тянется
невидимым шлейфом его судьба:
встречи и расставания, радости и
горькие обиды...

Автобус, слегка потряхивая на
дорожных выбоинах, неспешно
вёз его туда, где его всегда ждали
и любили таким, какой он есть. Но
вопреки всему – и здравому смыс-
лу в том числе – ему до щемящей
боли где-то под ложечкой хоте-
лось туда, где его уже наверня-
ка не ждали, да и вряд ли когда
любили по-настоящему.